

Евнух Юань Бао славился во дворце самым острым и проницательным умом. Заметив, что государь, услышав новость, вовсе не разгневался, а скорее злорадно усмехнулся, слуга сразу всё понял: великая принцесса стремительно теряла высочайшее покровительство.

Милость владыки капризна и изменчива: сегодня она возносит тебя до небес, позволяя повелевать ветрами и грозами, а завтра низвергает в бездну.

Впрочем, вспомнив, какие донесения о проделках её сына, Фан Цзо, пылились на императорском столе, Юань Бао ничуть не удивился опале. Будь этот юнец и впрямь потомком великого полководца, его спесь ещё можно было бы понять — не следовало обижать память верных воинов, проливавших кровь за престол. Но ведь мальчишка не имел к герою никакого отношения! И при этом великая принцесса разбаловала его до такой степени, что глупец возомнил себя пупом земли. Подобная глупость ни у кого не вызывала сочувствия.

Государю, разумеется, не было дела до мыслей евнуха. Его заботило другое: с минуты на минуту должна была явиться сестра со своими слезами и жалобами, и правитель ума не мог приложить, как от неё отделаться.

Напрямую отказать ей — значит показать пренебрежение к заслугам покойного зятя, что в глазах двора выглядело бы черной неблагодарностью к героям империи. Но и раскрыть правду о происхождении Фан Цзо, устроив громкий скандал, он не мог. Случись такое, имя великого генерала Фан Тяня мгновенно втоптали бы в грязь, сделав посмешищем для всей Поднебесной. А как тогда подданные станут судить самого императора?

От этих мыслей у монарха разболелась голова. Он с досадой подумал, что Хан Сиэнь горазд лишь сеять хаос да беречь раны. Если этот строптивый юноша действительно желал помочь своему повелителю, почему не раскопал грязное бельё великой принцессы до конца, избавив престол от лишних хлопот?

Пока император предавался безрадостным размышлениям, слуга у дверей почтительно склонился, докладывая о прибытии сестры. Государь лишь устало зажмурился: принцесса ещё не переступила порог, а её истошный плач уже эхом разносился по галереям. В ушах у правителя мгновенно заломило.

Глубоко вздохнув, монарх посмотрел на замершего в поклоне евнуха и глухо обронил:

— Впусти.

Слуга поспешно откланялся и, стараясь не шуметь, выскользнул за дверь. Лицо его выражало крайнюю степень угодливости — он слишком хорошо понял, что тучи над головой владыки сгустились до предела.

Хан Сизнь тем временем никуда не спешил. Силой доставив Фан Цзо из загородного поместья великой принцессы в казематы Министерства юстиции, он отослал стражу и теперь в полном одиночестве сидел напротив арестанта, безучастно слушая, как тот, забившись в грязную солому, осыпает его проклятиями.

Казематы этого ведомства делились на несколько разрядов. Тем, за кого хлопотали влиятельные покровители, выделяли места почище, где в зимнюю стужу можно было выпросить хоть какое-то подобие теплого одеяла. Но для безвестных или немилых закону арестантов уготовлена была иная участь: их безжалостно швыряли в самые сырые, заброшенные ямы на самом дне тюрьмы. Именно здесь, в пустой и холодной камере, где из удобств была лишь охапка гнилой соломы, теперь и оказался Фан Цзо.

Единственной привилегией узника оставалось то, что сидел он один — его камеру намеренно расположили в стороне от прочих колодников, чтобы никто не мешал их беседе.

В вечной полутьме темницы тускло мерцали масляные светильники. Люди здесь исчезали бесследно: тот, кто говорил с тобой сегодня, завтра мог бесшумно кануть в небытие. Эти стены видели бесчисленное множество смертей и жестоких пыток; земляной пол пропитался кровью столь глубоко, что она въелась в грязь пластами. Несмотря на холод, от кирпичной кладки исходил удушливый, тошнотворный запах застарелого гниения.

Изувеченные запястья — суровое напоминание о дне, когда Хан Сизнь безжалостно отсек ему кисти рук, — ещё не зажили как следует. Фан Цзо метался по камере, сыпал угрозами и бессильно топал ногами, но в глубине души его сковывал леденящий ужас. Стоило ему встретиться взглядом с безжизненными, черными глазами Хан Сизня, как обрубки рук начинали нестерпимо гореть, словно их снова жгли каленым железом.

Эту муку он не пожелал бы пережить заново даже злейшему врагу. Если бы время можно было повернуть в обратную сторону, он бежал бы от Хан Сизня без оглядки и никогда, ни при каких обстоятельствах не посмел бы поднять на него руку.

Увы, прошлое изменить было нельзя.

Наконец крики утихли. В каземате воцарилась гнетущая тишина. Фан Цзо до дрожи пугало это безмолвие, но продолжать брань под пристальным взглядом застывшего напротив юноши у него больше не хватало духу. Слова застревали в горле.

— На каком основании ты меня запер?! — выдавил он наконец сквозь зубы, силясь вернуть прежний спесивый тон. — Попомни моё слово: едва я выйду отсюда, тебе несдобровать!

Впрочем, эти бахвальские речи звучали жалко — он лишь пытался заглушить собственный страх.

Хан Сизнь пропустил пустые угрозы мимо ушей. Дождавшись, пока пленник окончательно

выдохнется, он лениво прикрыл рот ладонью, подавляя зевоту, и тихо обронил:

— Для этого тебе сначала нужно отсюда выйти.

Глаза Фан Цзо налились кровью от ярости.

— На каком, спрашиваю, основании?! — взвизгнул он.

Хан Сизнь медленно поднял взгляд, и его лицо сделалось пугающе суровым.

— На каком основании? — переспросил он вкрадчивым, леденящим шёпотом. — Будто сам не знаешь. Ты действительно верил, что твои гнусные бесчинства сойдут тебе с рук и никто ничего не разузнает? Души тех, кого ты замучил до смерти, вызывают о возмездии, и очень скоро они получают своё. Не сомневайся: перед законом все равны — будь ты хоть трижды царской крови. Расплата ждёт и тебя.

Этот тихий, ровный голос эхом зазвучал под мрачными сводами усыпальницы заживо. Перед мысленным взором Фан Цзо против воли начали всплывать призраки прошлого. Он вспомнил лица тех, над кем измывался ради забавы: как они ползали перед ним на коленях, захлёбываясь слезами и моля о пощаде, и как выпускали последний вздох под пытками.

При воспоминании об их застывших, полных ужаса глазах по его спине пробежал морозный озноб.

Хан Сизнь неторопливо поднялся со стула.

— Советую молодому господину Фан хорошенько поразмыслить в этих стенах над своими прегрешениями, — негромко проговорил он. — Глядишь, когда во всём чистосердечно признаешься, тебя и выпустят.

Заметив, что гость направляется к выходу, Фан Цзо метнулся к решётке и в панике закричал:

— Стой! Ты куда?!

Хан Сизнь обернулся и смерил его ледяным, насмешливым взглядом.

— Разве в тюрьме положено сидеть вдвоем? Или ты желаешь, чтобы я составил тебе компанию? Какие забавные фантазии. Как-никак, ты принадлежишь к императорской фамилии. Проявляя заботу, я выбрал для тебя самый тихий и уединённый уголок, оградив от общества закоренелых разбойников — не хватало ещё, чтобы тебя здесь кто-нибудь обидел. Будь спокоен: пока ты не поведаешь следствию всю правду, никто не посмеет потревожить твой покой.

Оцепенев, несчастный провожал взглядом удаляющуюся фигуру своего мучителя. Сердце его бешено колотилось: оставаться в этом склепе не было никаких сил. Он хотел наружу, к свету, прочь от удушающей сырости казематов.

Но едва силуэт Хан Сиэня растаял в темноте коридора, истошные крики пленника прервал грубый, раздражённый окрик тюремщика:

— Заткнись, паршивец! Разорался тут! Очутился в тюрьме — изволь подчиняться здешним законам. Тоже мне, выискался благородный господин! Будешь и дальше глотку драть — останешься сегодня без похлёбки. Вот посидишь голодным, поубавится спеси, тогда и поговорим о еде!

В подтверждение своих слов стражник с силой стегнул плетью по каменной кладке. Хлёсткий удар эхом отозвался в пустом коридоре. Фан Цзо, который всю жизнь привык сам безнаказанно измываться над людьми, впервые на собственной шкуре прочувствовал, каково это — лишиться власти и оказаться по милости судьбы во власти ничтожного тюремного сброда.

Чиновники Министерства юстиции с глубокими поклонами проводили Хан Сиэня до ворот, после чего тот незамедлительно направился в императорский дворец. Он прекрасно понимал: не явись он сам, государь немедленно прислал бы за ним стражу. Раз уж разговора не избежать, стоило взять инициативу в свои руки.

Хан Сиэнь прибыл в покои как раз в тот момент, когда чаша терпения монарха, вынужденного выслушивать нескончаемые стенания сестры, переполнилась до краёв.

Узнав об аудиенции юноши, правитель мысленно возблагодарил небо за избавление. Велев немедленно впустить вошедшего, он повернулся к великой принцессе и мягко произнёс:

— Вот и славно. Хан Сиэнь как раз прибыл, и мы сможем докопаться до сути дела. Коль скоро между вами возникло недоразумение, самое время разрешить его прямо здесь.

Однако оба его гостя ответили в один голос:

— Ваше Величество, здесь нет никакого недоразумения.

Принцесса смерила Хан Сиэня полным ненависти взглядом. Она была абсолютно уверена: доказать причастность её людей к покушению этот выскочка не сможет, а значит, и обвинить её напрямую у него не выйдет. К тому же вдовствующая императрица лично заверила её, что схваченные убийцы крепко сидят на крючке у престола — их семьи в заложниках, и они ни под какими пытками не выдадут заказчиков.

По её мнению, преследование Фан Цзо было лишь предлогом, гнусной попыткой свести старые личные счёты.

Что же до самого Хан Сиэня, то он действительно выбрал своей целью этого избалованного юнца лишь потому, что тот некогда знатно ему досадил. Не перейди Фан Цзо ему дорогу в прошлом, юноша вряд ли вообще вспомнил бы о его существовании, не говоря уже о тюремном заключении.

Наблюдая за упрямым противостоянием двух злейших врагов, император криво усмехнулся и без лишних предисловий обратился к Наследнику, стараясь поддержать сестру:

— Отвечай, Хан Сиэнь, зачем ты бросил Фан Цзо за решётку? Располагаешь ли ты вескими уликами?

Юноша остался невозмутим.

— Ваше Величество, во время допроса один из заговорщиков не выдержал дознания и проговорился, что нити заговора ведут прямым ходом в усадьбу великой принцессы. Вашему Величеству известно о нашей давней вражде с молодым господином Фан. Его желание убрать меня с дороги вполне объяснимо. Но совершить нападение, зная, что рядом со мной находится третий принц — это не просто покушение на мою жизнь. Это открытый бунт и вопиющее пренебрежение к императорской воле.

— Ложь! — вспыхнула принцесса. — Если всей столице известно об их вражде, стал бы мой сын так глупо подставляться и устраивать покушение, зная, что подозрение падёт на него в первую очередь?!

Хан Сиэнь лишь тонко улыбнулся.

— В этом и кроется коварство замысла. Совершить преступление под грузом подозрений — лучший способ отвести от себя обвинения, выдав случившееся за чужую подставу.

— Клевета! — ледяным тоном отрезала она.

В глубине души она ликовала: заговор организовала она сама, и её сын действительно ничего не знал, так что обвинения юноши были шиты белыми нитками.

Наблюдая за их перепалкой, государь нахмурился и строго спросил Хан Сиэня:

— Так твои обвинения голословны или ты можешь подтвердить их делом?

Молодой человек спокойно извлек из широкого рукава сложенный лист бумаги.

— У меня есть письменные показания заговорщика. Именно поэтому я и позволил себе взять под стражу молодого господина.

Правитель почувствовал лёгкое замешательство. Прежде Хан Сиэнь никогда не утруждал себя подобными формальностями: он сначала бросал неугодных в темницу, а доказательства их вины отыскивал уже потом.

Евнух Юань Бао торопливо принял бумагу из рук юноши и поднёс владыке. Государь развернул свиток. Показания были составлены на редкость дотошно: там во всех подробностях расписывались мотивы преступления, способ связи с наёмниками и имена посредников. Каждое слово недвусмысленно указывало на виновность Фан Цзо.

Внизу листа алел четкий отпечаток пальца, выведенный киноварью. Отложив документ в сторону, император небрежно поинтересовался:

— И где же сам обвинитель?

Юноша на мгновение замялся, прежде чем ответить:

— Не вынес допроса с пристрастием. Скончался.

Император лишился дара речи.

— Вот как? — победно воскликнула принцесса, мгновенно ухватившись за этот промах. — В таком случае я имею полное право утверждать, что бумага сфальсифицирована! Как удобно: свидетеля нет в живых, и спросить не с кого!

Она прекрасно знала, что выдуманные в признании детали никак не могли совпасть с реальностью, а значит, Хан Сиэнь состряпал фальшивку от безысходности. Если твёрдо стоять на этом, с её сына снимут все обвинения.

Хан Сиэнь изобразил на лице крайнее изумление.

— Ваше Высочество заблуждается, — протянул он с нарочитой ленцой. — Я упомянул лишь об одном мятежнике. Да, он мертв, но в моих казематах заперта ещё добрая дюжина его сообщников.

Проигнорировав его выпад, великая принцесса обратила умоляющий взор к брату:

— Ваше Величество, признания покойного разбойника не могут служить законным основанием для ареста. Мой несчастный сын до сих пор страдает от тяжёлых увечий. Я покорнейше прошу позволить мне забрать его домой под мою опеку. Если наследник Хан отыщет неопровержимые

улики, я клянусь, что собственноручно приведу сына обратно под стражу.

— Позвольте не согласиться, — твёрдо вмешался Хан Сизнь. — Пока на Фан Цзо указывают показания свидетелей, он остаётся главным подозреваемым и обязан содержаться под стражей. Если его невиновность подтвердится, я лично распахну перед ним двери тюрьмы. Мы не имеем права попираť законы Великой Чжоу лишь из-за его высокого происхождения. К тому же, скажу прямо: обвинения касаются попытки вооруженного мятежа и тайного сговора. Оставлять на свободе человека, способного поднять преданные ему отряды прямо под стенами дворца, крайне опрометчиво. Ваше Величество должен проявить мудрость.

Сестра государя лишилась дара речи от подобной наглости. Этот мерзавец опять пытался обвинить её сына в государственной измене!

В глазах императора на мгновение блеснул опасный огонёк. Он прекрасно понял скрытый намек Хан Сизня: тот, кто действительно обладал властью поднять войска в столице, явно был не глупым мальчишкой Фан Цзо.

Воспользовавшись затянувшейся паузой, Хан Сизнь добавил:

— Дабы успокоить Ваше Величество и великую принцессу, я даю слово, что до окончания следствия к арестованному не прикоснется ни один палач. Ему не будут угрожать пытки, равно как и тайные встречи с сообщниками — я полностью изолирую его от внешнего мира. Если же мои слова вызывают сомнения, государь может отправить личную гвардию охранять камеру молодого господина.

Немного поразмыслив, император принял величественный вид и с глубоким вздохом обратился к сестре:

— Сестра, твои тревоги понятны моему сердцу. Я ни на миг не сомневаюсь в невиновности Фан Цзо. Однако доводы Хан Сизня вполне справедливы — закон суров, но это закон. Дабы пресечь любые толки и защитить мальчика от посягательств, я лично отправлю верных гвардейцев стеречь его покой день и ночь. Обещаю, никто пальцем его не тронет.

Принцессе оставалось лишь бессильно сжать кулаки. «Охранять»? Да государь просто приставил к её сыну соглядатаев, лишая его малейшей надежды на побег или передачу весточки!

<http://bllate.org/book/20088/2002045>